

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ПРИКЛАДНОЙ
И НЕОТЛОЖНОЙ
ЭТНОЛОГИИ**

№ 214

А.Д. ЭПШТЕЙН

**В ПЛЕНУ ПРОШЛОГО: ГЕНЕЗИС
КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ КАК
ФАКТОР ЭСКАЛАЦИИ
ПАЛЕСТИНО-ИЗРАИЛЬСКОГО
КОНФЛИКТА**

Москва
2009

УДК 316.752.4 (569.4) (= 411.16) (=411.21)
УДК 327.39 (=924)

ББК Ф5

Серия:
Исследования по прикладной и неотложной этнологии
(издается с 1990 г.)

Редколлегия:
академик РАН В.А. Тишков (отв. ред.),
к.и.н. Н.А. Лопуленко,
д.и.н. М.Ю. Мартынова.

Материалы серии отражают точку зрения авторов
и могут не совпадать с позицией редакционной группы.
При использовании ссылка на материалы обязательна.

Э-73 Эпштейн А.Д.

В плену прошлого: Генезис коллективной памяти как фактор эскалации палестино-израильского конфликта. / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. — М., ИЭА РАН, 2009. — Вып. 214. — 36 с.

В докладе анализируется роль национальной памяти евреев-израильтян и палестинских арабов в формировании исторических нарративов, крайне затрудняющих возможность нахождения точек соприкосновения между двумя народами. Автор утверждает, что без признания каждым из народов страданий другого, никакой прогресс в мирном урегулировании между израильтянами и палестинцами в принципе не достижим.

ISBN 978-54211-0005-8

ISBN 978-54211-0005-8

© ИЭА РАН – 2009 г.
© А.Д. Эпштейн – 2009 г.

Алек Д. Эпштейн

***В плену прошлого: Генезис коллективной памяти
как фактор эскалации палестино-израильского
конфликта***

Resume

The author is analyzing the role of national memory in the creation of historical narratives in the Jews-Israelis and the Palestinian Arabs relationships especially, that extremely is complicating of contact between two peoples. The author asserts, that without a widely perception by each of the peoples of sufferings another, the progress in a peaceful settlement between the Israelis and Palestinians is not achievable in principle.

I

Формирование у нации ложного представления о своей истории является неотделимой частью процесса построения этой нации. Крепкая связь между историей и памятью народа особенно заметна в системе образования, которая отвечает за передачу знаний и ценностей новому поколению. Успешное выполнение данной задачи превратит молодых людей в послушных граждан, внушит общую идентификацию. В обществе иммигрантов эта задача становится еще более масштабной, т. к. в процессе формирования нового (или, как минимум, обновленного) национального сознания идеологической индоктринации подвергаются и вполне совершеннолетние граждане. Процесс «национализации масс»¹ – сложный и многоступенчатый; неотъемлемой частью подобной «интеллектуальной ресоциализации» является и привитие тех или иных нарративов краеугольных событий коллективного прошлого. Известные российские этнографы В.А. Тишков и В.А. Шнирельман справедливо отмечают: «Образы исторических событий, а также списки героев и недругов создают людям важные жизненные ориентиры и служат мощными рычагами мобилизации политической энергии»².

Государство Израиль было создано в результате реализации уникального переселенческого проекта, катализатором которого была идеология еврейского национального возрождения на «своей» древней земле, на языке своего великого, пусть

и очень далекого, прошлого³. Выражаясь словами великого французского мыслителя еврейского происхождения Раймона Арона, «в век государств-материков, межконтинентальных ракет и армий, насчитывающих миллионы солдат, несколько сотен тысяч евреев, уцелевших от величайшей в современной истории бойни и одушевленных национальной идеей, неотделимой от политико-религиозной идеи древнего иудаизма, завоевали себе отечество на земле, которую в течение столетий топтали захватчики, не делавшие различия между правами силы и правами веры»⁴. Израиль – это государство, созданное энергией коллективной памяти.

При этом применительно к Израилю особенно верен вывод, сделанный академиком В.А. Тишковым: «Там, где мы говорим о группах, на самом деле мы имеем дело с определенными отношениями и через них осуществляем *реификацию* (вызывание к жизни) и самих групп»⁵. Реификация – процесс превращения абстрактных понятий в якобы реально существующие феномены, приписывания им субстанциональности, в результате которой они начинают мыслиться как нечто материальное. Людей, которых отцы-основатели Израиля считали потенциальными жителями (и гражданами) будущего государства, не объединяло почти ничего, их не отличала ни общность языка, ни общность религиозного сознания, ни общность ареала проживания. Крещенная еврейка Надежда Мандельштам сформулировала это так: «Народ без земли, без почвы, веками отпускавший любимых сыновей на службу фараонам, эллинам, римлянам, испанцам, европейской культуре и науке, поэзии и музыке»⁶. Потенциальных (да и реально переселившихся) граждан Израиля не характеризовало и сколько-нибудь совпадающее представление об идеальном устройстве общества в настоящем и будущем; не было у них и общей картины прошлого.

Как верно отмечает В.А. Тишков, «то, что государство создают нации, а не наоборот, стало уже академическим трюизмом, но государства также создают и этничность, т. е. этнические общности, из имеющегося в доступности культурного и социального материала»⁷. «Существование внутри социокультурной системы различных картин мира, имеющих в своем основании общие культурные константы, но различные ценностные системы, различные интерпретации основных культурных тем ведут к тому, что внутри социокультурной системы неизбежен конфликт», – констатирует С.В. Лурье⁸. Однако учитывая фактор конфликта внешнего, подобный внутренний конфликт израильское общество позволить себе не могло в силу политико-географических условий своего существования. Еврейскую израильскую нацию нужно было сконструировать как общность из очень разных по своим социально-демографическим характеристикам выходцев из разных стран, причем в сжатые сроки, чтобы эта нация была способна выдержать давление со

стороны арабских соседей, в противном случае весь сионистский проект закончился бы крахом. *Конфликт с палестинцами и шире – с арабским миром – стал причиной, объяснявшей необходимость формирования некоей единой еврейско-израильской национально-гражданской идентичности.* Более того, одним из основных компонентов этой идентичности стало противопоставление израильтян (в том числе и тех сотен тысяч из них, этнических евреев, родившихся и выросших в арабских странах, от Марокко до Ирака, и говоривших на арабском языке) «арабскому другому».

Что же отличает израильтян как нацию, и являются ли они нацией вообще? Как это ни удивительно, ответить даже на последний вопрос весьма затруднительно: с одной стороны, т. к. государства практически всегда и везде формируют гражданские нации, то разумно предположить, что за шесть с лишним десятилетий такая нация возникла и в Израиле. Однако поразительным образом, высшие органы судебной и исполнительной власти в самом Израиле на протяжении многих лет отказываются признать, что такая нация – израильтяне – существует. В 1970 г. Верховный суд Израиля отклонил иск Джорджа Рафаэля Тамарина, требовавшего записать его по национальности «израильтянином», постановив: «Субъективное ощущение человека, и даже группы членов общества, недостаточно, чтобы создать новую нацию. Существование израильской национальности это вопрос объективных обстоятельств; нет израильской нации, отдельной от еврейской нации»⁹. Этот подход, очевидным образом, исключает значительное число арабов, друзов и бедуинов, имеющих израильское гражданство, из числа тех, кого можно считать принадлежащими к «израильской нации». По этому поводу в 2003 г. группой из 38 чел., среди которых были профессора Узи Арнон, Иехошуа Порат, Йосеф Агаси, Орен Иефтахиэль и другие был даже подан иск в Верховный суд. Истцы, в графе «национальность» у которых на момент подачи иска было записано либо «еврей», либо «араб», либо «друз», либо «грузин», просили, казалось бы, весьма естественной вещи – зарегистрировать их всех, уроженцев страны или людей, много лет живущих в ней, как представителей единой израильской нации, как «израильтян». Этот иск не был, однако, принят¹⁰. Государственная прокуратура озвучила в суде поистине удивительную позицию, согласно которой запись человека как «израильтянина» в графе «национальность» «не отражает основы создания и существования Государства Израиль, не соответствует им и даже подрывает их»¹¹.

В настоящее время существует абсурдная ситуация: весь мир ежедневно обсуждает межнациональный конфликт между израильтянами и палестинцами на святой для трех монотеистических религий земле, но ни одна из этих национально-

стей – ни «израильтяне», ни «палестинцы» – не признана Министерством внутренних дел Государства Израиль, для которого население страны делится как-то совсем иначе, по 135 другим национальным категориям: большинство тех, кого принято называть «израильтянами», регистрируют как «евреев»; большинство тех, кого принято называть «палестинцами», регистрируют как арабов; друзов, бедуинов и армян записывают отдельно; а неевреев, прибывших страну со своими еврейскими родственниками или даже без них (что при наличии частично еврейского происхождения позволяет правовой акт, именуемый Законом о возвращении), записывают «русскими», «грузинами», «французами», «аргентинцами» и т. д. В стране живет почти семь с половиной миллионов человек, из коих евреями считаются 75,5 % – 5 млн. 593 тыс. чел. (по данным на апрель 2009 г.)¹².

Однако эти люди – не просто евреи, они именно евреи-израильтяне: ни в одной другой еврейской общине мира иврит не является языком повседневного общения, нигде больше приверженцы реформистского и консервативного иудаизма не находятся в положении такого бесправного меньшинства (скажем, в примерно такой же по численности еврейской общине США меньшинством являются как раз приверженцы ортодоксального иудаизма), ни в одной другой стране самосознание евреев и осмысление ими своего места в мире не зависят от внешнеполитического конфликта в той мере, как это происходит в Израиле. С социологической точки зрения, к числу евреев-израильтян принадлежат все, кто, грубо говоря, не принадлежит к числу палестинских арабов: всех их, русских и украинцев, французов и аргентинцев, друзов и черкесов в обязательном порядке призывают в одну и ту же армию, которая во многом и является кузницей формирования единой израильской нации¹³, пусть в последние десятилетия и в меньших масштабах, чем прежде¹⁴.

Учитывая то, что армия всегда и везде является одним из самых центральных государственных институтов, одной из тех структур, которые на всем протяжении истории формировали государства как таковые¹⁵, даже и не вспоминая о том, в скольких войнах принимал участие Израиль за шестьдесят один год своего существования, можно заключить, что контингент призывников (не тех, кто в итоге призывается, а именно тех, кто подлежит призыву, согласно закону) как раз и формирует израильскую нацию, являясь своего рода маркером между теми, кто к ней принадлежит, и теми, чья принадлежность к ней сомнительна. Это не вопрос языка (в армию в обязательном порядке призывают и друзов, родным языком которых является арабский), не вопрос религии (немало солдат из числа новоприбывших иммигрантов из СССР/СНГ – христиане, как и примерно десятая часть арабских граждан Израиля, которых, однако, в армию не берут, не говоря уже о том, что в армию призывают как верующих иудеев, так и атеистов), не вопрос этнического

происхождения и стажа пребывания в стране (в армию призывают как уроженцев страны, так и иммигрантов в первом поколении, проживших в Израиле хотя бы год) и не вопрос гражданства (живущие в пределах т. н. «зеленой черты» палестинские арабы, как христиане, так и мусульмане, с 1949 г. имеют израильское гражданство, но в армию их не берут), это именно *вопрос принадлежности к якобы несуществующей израильской нации как таковой*.

Правомерно спросить, что же, кроме призывных повесток, делает израильтян израильтянами, что отличает еврейское большинство жителей государства, которое в разных законах определяет себя то как «еврейское демократическое», то как «государство еврейского народа», от других евреев, живущих, кажется, во всех уголках планеты, какова она, израильская этнонациональная картина мира, как выглядит, если воспользоваться термином, употребляемым С.В. Лурье, израильская ««карта» этнического бессознательного»¹⁶.

Краеугольным камнем сионистской идеологии, под знаком которой, собственно, и создавался Израиль, была идея формирования нового человека, воссоздающего свой утерянный два тысячелетия назад национальный очаг на своей древней земле. Именно поэтому, после многих внутренних споров, расколов и колебаний, и был сделан выбор в пользу Палестины/Эрец-Исраэль, а не, скажем Аргентины (о которой признанный основоположник политического сионизма Теодор Герцль писал в книге «Еврейское государство»¹⁷ или Уганды (за что ратовал, получив соответствующее предложение англичан, всё тот же Т. Герцль на VI Сионистском конгрессе в 1903 г.)¹⁸. При этом, однако, сионизм был идеологией, обращенной в будущее, а не в прошлое: концепция «отрицания диаспоры» отражала восприятие двухтысячелетней жизни в странах рассеяния как цепь непрекращающихся страданий, и в новой стране казалось крайне важным построить не просто национальный очаг, но некое идеальное с точки зрения социального устройства общество¹⁹.

За исключением В.Е. Жаботинского, бывшего еще подростком в дни, когда Т. Герцль начинал свою деятельность, все остальные идеологи, коих принято относить к числу отцов-основателей политического сионизма, подчеркивали, что само по себе национальное государство – цель важная, но никак не достаточная. Ахад Ха'ам настаивал на том, что это государство должно стать духовным центром еврейского народа, Бер Борохов, Нахум Сыркин, Аарон Давид Гордон и Берл Кацнельсон акцентировали внимание на социалистических ценностях, которые, как они считали, в обязательном порядке должны были быть воплощены в еврейском государстве, раввин Авраам Ицхак Кук, как и все его последователи в религиозном сионизме, видели будущий Израиль как общество, базирующееся на сис-

теме установок и ценностей иудаизма, как они их понимали. Никто из вышеназванных мыслителей не дождался фактического провозглашения государственного суверенитета Израиля, но все они были едины во мнении, что это должно быть не просто еще одно национальное государство, но особое политическое образование, принципиально отличающееся от всех остальных, созданных другими народами. Сейчас, когда Государство Израиль отметило уже 61-ю годовщину независимости, резонно спросить, есть ли какие-либо фундаментальные отличия между этой страной и другими государствами, какие именно компоненты коллективного сознания его граждан отличают их от жителей других стран, и какие исторические события оказали формообразующее влияние на тенденции развития израильской нации.

Но прежде чем перейти к рассмотрению собственно израильского случая, имеет смысл сказать несколько слов о том месте, которое занимает в наши дни историческая память в политической и даже правовой сфере. Ситуацию, сложившуюся в Израиле, будет легче понять в сравнении с аналогичными, пусть в чем-то и отличающимися, процессами в других странах, в т. ч. и постсоветского пространства.

II

В последние годы борьба за доминирование того или иного описания и понимания исторических трагедий во многих странах неожиданно перешла из сферы науки и публичной полемики в сферу уголовного права. В одних странах принимаются законы, запрещающие публичное сомнение в том, что имел место Холокост; ревизионизм Холокоста, кроме Израиля, где соответствующий правовой акт был принят в 1986 г., на законодательном уровне запрещен в Австрии, Бельгии, Германии, Литве, Лихтенштейне, Люксембурге, Польше, Португалии, Румынии, Франции, Чехии и Швейцарии. Верховный суд ФРГ еще в 1979 г. квалифицировал уничтожение евреев в Третьем рейхе как факт столь неоспоримо задокументированный и бесспорный, что его отрицание не может быть выражением мнений (допустим, ошибочных, но, тем не менее, искренних) или взглядов (допустим, не вполне корректных, но, тем не менее, научных), а может быть единственно лишь заведомой клеветой, а также оскорблением и дискриминацией уцелевших в годы Холокоста и всех остальных ныне живущих евреев²⁰. За прошедшие с тех пор тридцать лет подобная позиция стала повсеместно принятой. В других странах законодательно запрещено выражать сомнение в геноциде армян турками; такая норма действует, в частности, в Аргентине, Уругвае, Бельгии, Швейцарии и во Франции.

То, что вопрос этот – сугубо политический, наглядно демонстрирует тот факт, что в еврейском государстве, которое считает себя правопреемником всего исто-

рического опыта еврейского народа и, как следствие, хранителем его национальной памяти, в частности, памяти о Холокосте, отрицание армянского геноцида не только не считается преступлением – этот геноцид до сих пор не признало и само Государство Израиль, не желая ставить под удар свои отношения с Турцией²¹. 1 апреля 2008 г. на заседании Комиссии Кнессета по парламентским вопросам бывший тогда депутатом И. Шагал пошел еще дальше, заявив, что «то, что произошло в Турции тогда, в 1915 г., не имеет никакого отношения к геноциду. ... Это – абсолютный исторический факт. И его еще никто не опроверг»²². Во Франции, например, само подобное высказывание попадало бы под действие принятого в октябре 2006 г. закона, предусматривающего уголовную ответственность за отрицание геноцида армян, но в Израиле законом запрещается отрицать только еврейский Холокост, армянская же трагедия так и не была признана, и рассказ о ней не входит в школьные учебники истории.

На Украине 28 ноября 2006 г. Верховной Радой был принят закон, в котором утверждается, что «голодомор 1932–1933 гг. является геноцидом украинского народа». В декабре 2007 г. президент Виктор Ющенко внес в Верховную раду законопроект №1143 «О внесении изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Украины», согласно которому публичное отрицание Голодомора 1932–1933 гг. как факта геноцида украинского народа карается штрафом от 100 до 300 минимальных зарплат или лишением свободы на срок до 2 лет²³. За повторные подобные действия президент Украины требует приговаривать сомневающихся в том, что голод 1932–1933 гг. был именно фактом геноцида украинского народа (а не, например, результатом совершенно интернационалистской политики советского руководства по ускоренной коллективизации и индустриализации) к четырем годам тюрьмы. Этот закон не принят Верховной радой, находящейся в состоянии перманентной недееспособности, несмотря на положительное заключение Комитета по вопросам законодательного обеспечения правоохранительной деятельности²⁴, однако указанные меры президент Украины лоббирует с осени 2007 г.²⁵

Президент Российской Федерации Д.А. Медведев, вероятно, имея в виду как раз инициативы, подобные законопроектам своего украинского коллеги, учредил 19 мая 2009 г. специальную Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, недвусмысленно обозначив прагматичную внешнеполитическую составляющую своего интереса к прошлому. В пункте 4 (а) Указа президента первой задачей Комиссии определены «обобщение и анализ информации о фальсификации исторических фактов и событий, направленной на умаление международного престижа Российской Федерации»²⁶. Очевидным обра-

зом, предполагается, что только «фальсификация исторических фактов и событий», а не, напротив, их глубокое и всестороннее изучение, приводит к «умалению международного престижа Российской Федерации». Данная инициатива президента последовала спустя два месяца после того, как, выступая в Волгограде, глава МЧС и сопредседатель Высшего совета правящей партии «Единая Россия» Сергей Шойгу потребовал установить уголовную ответственность за отрицание «решающей роли СССР в победе над фашизмом». Показательно, что, аргументируя свою позицию, С.К. Шойгу не забыл вспомнить о существующих в разных странах законах, направленных на борьбу с ревизионизмом Холокоста. «Прежде всего, надо «почистить» школьные учебники истории. В некоторых уже пишут, что во Второй мировой победила американская армия. Сейчас просто необходимо ввести ответственность, возможно, уголовную, для тех, кто не признает Холокоста и факт победы русской армии в Великой Отечественной», – отметил министр²⁷. В качестве аргумента в пользу принятия закона С.К. Шойгу непосредственно указал на случай с английским автором Дэвидом Ирвингом, которого 20 февраля 2006 г. австрийский суд приговорил к трем годам тюремного заключения за отрицание Холокоста. «Нас цинично и бесцеремонно пытаются оттеснить с небосклона мировой истории. Историю переписывают. Значит, надо поставить заслон», – отметил С.К. Шойгу²⁸. Сравнения предложений С.К. Шойгу об уголовном преследовании тех, кто отрицает решающую роль СССР в победе над гитлеровской Германией с аналогичными мерами против ревизионистов Холокоста были подвергнуты критике многими публицистами²⁹. Олег Васильев отмечал в этой связи: «Действительно, законы об уголовной ответственности за отрицание Холокоста направлены на увековечивание памяти, ... но закон об «отрицании решающей роли СССР» никак не вписывается в эту концепцию – он не направлен на «защиту» того или иного меньшинства от насилия, но, напротив, направлен на «сохранение памяти» о победе в войне, завершившейся существенным расширением территории подконтрольной правящему режиму и сопровождавшейся многочисленными актами геноцида против этнических и социальных групп объявленных недостаточно лояльными к этому режиму, в частности, депортации народов, от финнов и немцев (не только Поволжья) до чеченцев, ингушей, балкарцев и крымских татар в 1941–1944 г.»³⁰. Хотя ряд высокопоставленных российских государственных служащих (среди которых были председатель Государственной думы Б.В. Грызлов и генеральный прокурор Ю.Я. Чайка³¹) поддержали инициативу главы МЧС, ход ей на законодательном уровне дан, по крайней мере, пока, не был.

Интересно отметить, что в своих действиях к израильскому опыту апеллирует и Виктор Ющенко: «Я всегда сравниваю то, как еврейский народ смог объяснить

миру, что Холокост является катастрофой для всего человечества, с тем, что должны сделать мы. В 1929 г. на Украине жило 81 млн. чел., в 1979 – 42 млн. * Миру разве не интересно, куда исчезли несколько десятков миллионов людей за 50 лет? Эти люди умерли не только от войны, но и от Великого голода. Это трагедия для всего человечества. 193 государства поддержали решение ЮНЕСКО, определяющее голодомор Сталина как геноцид ** . Я надеюсь, что Кнессет также примет такое решение»³².

Кнессет, однако, такое решение не принял, по всей видимости, как не желая ставить под угрозу отношения с Российской Федерации, несколько более важные для Израиля, чем отношения с Украиной, так и избегая сравнения еврейского Холокоста с какими-либо иными историческими событиями. В.А. Ющенко, напротив, эти события всячески сравнивает, и в законопроекте №1143 определена одинаковая ответственность за отрицание Холокоста и Голодомора. Здесь позиции сторон и разошлись кардинально. «Израиль не может признать Голодомор актом этнического геноцида. ... Эта позиция была неоднократно высказана вашему руководству на самом высоком уровне», – отметила посол Израиля на Украине Зина Калай-Клайтман в интервью киевскому журналу «Зеркало недели» в сентябре 2008 г.³³ Еще дальше пошел заместитель генерального директора МИДа Израиля Пинхас

* Эти цифры были оспорены президентом России Д.А. Медведевым. В его письме В.А. Ющенко, в частности, говорится: «Так, в интервью в ноябре 2007 г. Вы, ссылаясь на данные переписей 1929 и 1979 гг., утверждаете, что украинцы – единственная нация, численность которой за этот период сократилась вдвое, с 81 млн. до 42 млн. чел. В то же время, по данным Всесоюзной переписи, которая, кстати, проводилась не в 1929, а в 1926 г., в СССР численность украинцев, включая жителей западных областей, составляла около 30 млн. чел.». Послание президента России Д.А. Медведева президенту Украины В.А. Ющенко от 14 ноября 2008 г.

** И в этом вопросе президент России Д.А. Медведев счел нужным поправить В.А. Ющенко. «Генеральная конференция ЮНЕСКО в 2007 году, почтив память миллионов погибших от голода 1930-х гг., независимо от их национальности, отказалась признать эту трагедию “геноцидом украинского народа”», – подчеркнул президент Российской Федерации. По его словам, «Голод 1932–1933 гг. в Советском Союзе не был направлен на уничтожение какой-либо отдельной нации. Он стал следствием засухи и проводившихся в отношении всей страны, а не одной только Украины, насильственной коллективизации и раскулачивания. Погибли миллионы жителей Среднего и Нижнего Поволжья, Северного Кавказа, Центрального Черноземья, Южного Урала, Западной Сибири, Казахстана, Белоруссии. Мы не оправдываем репрессии сталинского режима в отношении всего советского народа. Но говорить о том, что существовала цель уничтожения украинцев, – это значит противоречить фактам и пытаться придать националистический подтекст общей трагедии». В Резолюции, принятой ЮНЕСКО в 2007 г., голодомор, действительно, нигде не характеризуется как «геноцид украинского народа». Резолюция «выражает сочувствие жертвам Великого голода (Голодомора) 1932–1933 гг. на Украине и жертвам в России, Казахстане и других частях бывшего Советского Союза и чтит память о тех, кто погиб в результате его»; она «воздаст в равной степени дань памяти миллионам русских, казахов и представителей других национальностей, умерших от голода в 1932–1933 гг. в Поволжье, на Северном Кавказе, в Казахстане и в других частях бывшего Советского Союза». Подробнее об этом см.: *Ивницкий Н.А.* Голод 1932–1933 годов: Кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 333–363.

Авиви в начале февраля 2009 г.: «Мы называем это трагедией, в которой вместе пострадали народы России, Молдавии, Украины, Казахстана и других стран, и мы признаем именно такую, как и Россия, формулировку, – заявил П. Авиви. – Мы считаем, что это трагедия, но никогда не признаем ее геноцидом. Геноцид для нас – это Холокост, это единственный эпизод, который мы признаем геноцидом»³⁴.

Таким образом, недвусмысленно заявлена израильская официальная позиция относительно любых трагедий разных народов: *безотносительно к тому, насколько с точки зрения исторической достоверности те или иные горькие эпизоды прошлого могут быть охарактеризованы как геноциды* (армянская трагедия 1915 г., очевидным образом, попадает под это определение, в то время как голодомор 1932–1933 гг. может толковаться по-разному), *настойчивое отстаивание Израилем исключительности еврейского Холокоста заведомо отрицает возможность их признания*. Это важно помнить для последующей дискуссии об отношении в израильском обществе к тому, что считают своей катастрофой (накбой) палестинские арабы – народ, конфликт с которым, как отмечалось выше, больше, чем что либо, формировал и формирует тенденции развития еврейского израильского социума.

III

Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 27 января, день освобождения Освенцима, Международным днем памяти жертв Холокоста. Согласно резолюции, принятой Европейским парламентом, «сотни тысяч евреев, цыган, гомосексуалистов, поляков и узников других национальностей были убиты в Освенциме, и мы подчеркиваем, что память об этих событиях важна не только как напоминание и осуждение преступлений нацистов, но также в качестве наизидания об опасности преследования людей на основе расы, этнического происхождения, религии, политических взглядов или сексуальной ориентации». Лидеры и представители более сорока государств, присутствовавших на памятной церемонии в Освенциме, среди которых был и второй президент Российской Федерации В.В. Путин, решительно осудили антисемитизм и ксенофобию. Генеральная Ассамблея ООН в резолюции №60/7 от 21 ноября 2005 г. отвергла любое полное или частичное отрицание Холокоста как исторического события. 26 января 2007 г., накануне Международного дня памяти жертв Холокоста, Генеральная ассамблея ООН приняла специальную резолюцию №61/255 «Отрицание Холокоста», жестко осуждающую подобный исторический ревизионизм.

Государство Израиль прикладывает немало усилий, чтобы бороться с проявлениями антисемитизма в мире. Активную борьбу израильяне ведут против неона-

цистской деятельности в Европе и в странах СНГ. Однако недавно выяснилось, что сам Израиль – одна из немногих стран Запада, где не был принят закон против неонацистской деятельности. В ходе обсуждений, проведенных в Государственной прокуратуре, выяснилось, что несмотря на то, что параграф 144 Закона об уголовном праве Израиля подробно разъясняет, что в стране действует запрет на осуществление расистской деятельности, Закон не рассматривает в качестве расистской организации неонацистское движение. Как отмечала в сентябре 2007 г. посол Государства Израиль в Российской Федерации Анна Азари, «Израиль как страна приехавших в нее евреев имеет меньше законов по борьбе с нацистами, потому что никто даже в черном сне не мог подумать, что в Израиле будут такие разоблачения»³⁵. Следует отметить, что до недавнего времени хранение нацистских свастик, фотографий с изображением Адольфа Гитлера и знамен нацистской партии не являлось уголовным преступлением в Израиле – никому не приходило в голову, что в Израиле найдутся граждане, которые такие фотографии, изображения и знамена будут хранить. 25 февраля 2008 г. Кнессет утвердил поправку к статье 145 Закона об уголовном праве, согласно которой любые неонацистские акции в Израиле будут отныне приравниваться к расистским. Незаконными были объявлены защита, поддержка и публичная демонстрация нацистских позиций. Отныне за членство в организации, проповедующей расизм или нацизм, полагается наказание – год тюремного заключения.

Израильских законодателей заставила принять закон об уголовной ответственности за проявления нацизма громкая история с задержанием группы выходцев из стран СНГ, объявивших себя поклонниками Гитлера. В прессу информация об аресте группировки просочилась в сентябре 2007 г. До этого израильская полиция выслеживала группировку, пока в конце августа не арестовала восьмерых молодых людей от 16 до 21 года; им были предъявлены обвинения в нападениях на гомосексуалов, религиозных иудеев и иностранных рабочих. Дома у них были обнаружены листовки, оправдывающие деяния Гитлера, книги о неонацизме, униформа, значки в виде свастики, фотографии с поднятыми в нацистском приветствии руками и даже самодельный пистолет и взрывчатка. На след группировки полицейские вышли, расследуя дело Ростислава Богуславского из израильского города Петах-Тиква; его заподозрили в убийстве двух бомжей и в издевательствах над животными. По данным прокуратуры, группировка была создана в 2005 г. Члены банды, в числе прочего, рисовавшие свастики в синагогах, не стеснялись записывать свои акции на видео. Интересно, что все члены группировки, хотя, в большинстве своем и не считали себя евреями, приехали в Израиль со своими семьями по Закону о

возвращении от 1950 г., который распространяется как раз только и исключительно на евреев и их потомков во втором и третьем поколениях. В этом проявляется *двойственность израильской миграционной политики, которая, с одной стороны, жестко закрывает возможность переселения в страну для неевреев (и прежде всего – арабов), а с другой, максимально расширительно толкует понятие еврейской нации.* Таким образом, складывается парадоксальная картина: органы государственной власти готовы считать евреями тех, кто, с точки зрения происхождения, является евреем лишь на четверть, не идентифицирует себя как еврея, и, вполне может не знать буквально ничего о еврейской истории и культуре, но при этом утверждается, будто признание факта существования израильской нации подрывает основы существования государства.

Задолго до закона о борьбе с неонацизмом израильским парламентом – Кнессетом – был принят Закон о судебном преследовании нацистов и их пособников. Этот правовой акт появился еще в 1950 г., но касался только тех, кто был непосредственно повинен в злодеяниях Холокоста; в нем не говорилось ни об ответственности за отрицание Холокоста, ни о неонацистской деятельности. В 1986 г. в Израиле был принят Закон об ответственности за отрицание Холокоста, согласно которому, «лицо, распространяющее, письменно или устно, материалы, отрицающие или принижающие масштабы преступности деяний, совершенных против еврейского народа или против человечества во время нацистского правления, с целью защиты тех, кто совершал эти преступления, или же с целью выражения солидарности с ними или симпатии к ним, наказывается тюремным заключением сроком пять лет (статья 2 Закона).

Важно отметить, что в этом законе парламентом были установлены три важных правоприменительных ограничения. Во-первых, речь идет о публикациях, имеющих своей целью «защиту тех, кто совершал эти преступления, или же с целью выражения солидарности с ними или симпатии к ним»; само по себе историческое сомнение или беспристрастное научное исследование, ставящее себе целью разобраться в происходившем, пусть и с позиций, отличных от общепринятых, преступлением не является. Во-вторых, законодатель оградил представителей СМИ: согласно статье 4 Закона, «распространение верного и честного отчета о запрещенном к распространению согласно этому Закону материале, если только оно не имело целью выражение солидарности или симпатии по отношению к тем, кто совершал преступления против еврейского народа или против человечества, не является преступлением по настоящей статье». В-третьих, парламент предельно ограничил численность работников органов прокуратуры, имеющих право подавать обвинительное заключение по данной статье; этим правом наделен только непосредст-

венный глава Государственной прокуратуры, являющийся по совместительству юридическим советником правительства.

Далеко не все в Израиле согласны с тем, что описанные проблемы имеют именно юридическое разрешение. В частности, популярный российско-израильский публицист Антон Носик опубликовал статью, в которой утверждал, что «сам по себе запрет на отрицание Холокоста достаточно ущербен смыслово и логически. Он не доступен четкой формализации, и для его применения требуется вкусовщина со стороны правоохранительных органов. А где вкусовщина, там и произвол, и двойные стандарты, и, что всего важнее, повод для коричневых “проповедников” от Лондона до Восточной Сибири утверждать, что их преследуют силою полицейских дубинок, поскольку иных аргументов не находится». По словам А.Б. Носика, «в США коричневые такого сказать о себе не могут. Там их пропаганда, как любая иная пропаганда, защищена Первой поправкой, существует также прецедентный судебный вердикт, почти тридцатилетней давности, подтверждающий право именно неонацистов на конституционную защиту. . . . В США верят в способность здорового общества победить вздорную идеологию в открытой борьбе мнений, не прибегая к помощи полицейской дубинки»³⁶. А.Б. Носик – и не он один – ратует за то, чтобы подобный подход, ставящий во главу угла воспитание и образование, а не уголовное преследование ревизионистов истории Холокоста, был принят и в других странах, включая Израиль. Многие полагают, что с отрицанием Холокоста нужно бороться в школах, университетах и СМИ, а не в полицейских участках и судах. Критики отмечают и то, что вполне ощутима конфронтация соответствующих законов о «правильной» исторической памяти с первой поправкой Конституции США и со статьей 10 Европейской конвенции прав человека, гарантирующими гражданам свободу слова и выражения.

Вопрос об отношении к проявлениям расизма, ксенофобии, насилия и неонацизма является одним из самых сложных в израильской политико-правовой практике. Тому есть несколько причин: во-первых, *Израиль, воспринимающий себя как государство-правопреемник всей многовековой еврейской истории, считает себя ответственным за сохранение памяти о Холокосте и других трагических событиях национального мартиролога*, от сожжения императором Титом Иерусалимского храма и изгнания евреев с их исторической родины (70 г. н. э.) и изгнания из Испании (1492 г.) до погромов Богдана Хмельницкого (1648 г.) и волны погромов на юге Российской империи (1881–1903 гг.). Еврейский народ, как мало какой, знает, насколько опасны расизм и ксенофобия, какую кошмарную угрозу таит в себе нацизм. В Израиле были приняты различные законодательные акты, имеющие своей целью поставить заслон распространению расистских, ксенофобских и неонацистских идей.

С другой стороны, Израиль с первых дней своего существования определял себя не только как национальное, но и демократическое государство, в юридической системе которого либеральные ценности играют с течением времени все большую и большую роль. Верховный суд Израиля раз за разом подчеркивает важность соблюдения в стране прав и свобод человека и гражданина, включая право на свободу слова и печати, что, разумеется, подразумевает и выражение мнений, идущих вразрез с общепринятыми. Кроме того, не всегда законы, принятые достаточно давно, адекватно отражают современные позиции по тем проблемам, для решения которых эти законы принимались изначально, поэтому правоприменительная практика (прежде всего, крайне активного в Израиле Верховного суда) имеет важное «корректирующее» значение, в т. ч. и в рассматриваемых сферах³⁷. И если, скажем, в 1960-е – 1980-е гг. Верховный суд и Центральная избирательная комиссия Израиля принимали решения, запрещавшие партиям, выступавшим против основополагающей характеристики Израиля как «еврейского демократического государства» (дело арабской организации «эль-Ард» в 1964 г. и еврейской праворадикальной организации «Ках» в 1988 г.), принимать участие в выборах, то в 2000-е гг. аналогичным радикальным организациям и их лидерам, как евреям, так и арабам, было позволено принимать участие как в муниципальных, так и в парламентских выборах (дело арабской радикальной националистической партии «Балад» в 2003 и в 2009 гг., дело партии «Раам-Тааль» в 2009 г., рассмотрение вопроса об участии в выборах праворадикального политика М. Фейглина в парламентских выборах 2006 г., участие праворадикального списка «Еврейский Иерусалим» в муниципальных выборах в столице страны в 2003 г. и т. д.).

Позиция Государственной прокуратуры, Министерства юстиции и Верховного суда Израиля в последние годы состоит в том, что *бороться с национализмом и ксенофобией нужно, прежде всего, развивая политическую культуру толерантности в стране, а не методами запретов*, которые, напротив, могут оказаться контрпродуктивными – подвергнувшись запрету общественным деятелям и организациям не останется иного пути, кроме как перейти к агрессивным внепарламентским методам борьбы, что нанесет куда больший урон демократии в стране, а также окружит этих деятелей ореолом преследуемых «страдальцев», что само по себе будет способствовать росту их популярности. Таким образом, израильские юридические инстанции пришли к выводу, что вместо того, чтобы предотвратить распространение ультранационалистических, расистских, ксенофобских идей, запреты и заслоны юридического характера могут иметь обратный эффект. Куда большую роль может сыграть контрпропаганда, развитие с ранних лет, с детских садов и школ, нетерпимости к идеям ксенофобии и расизма.

Израильское законодательство, посвященное противостоянию расизму, ксенофобии, насилию, терроризму и неонацизму, можно условно подразделить на два типа. К первому типу нужно отнести соответствующие статьи Закона об уголовном праве Израиля. Ко второму типу можно отнести отдельные «тематические» законы, посвященные тому или другому вопросу.

Согласно статье 144(а), под понятием «расизм» Закон об уголовном праве Израиля понимает «преследование, унижение, презрение, проявление ненависти, вражды или насилия либо разжигание ссор в обществе или отдельных слоях общества и всё это из-за цвета кожи, принадлежности к расе или из-за национально-этнического происхождения»³⁸. Статья 144(б), подпункт (а) устанавливает, что «тот, кто распространяет материал с целью призывать к расизму, наказывается тюремным заключением сроком на пять лет». При этом статья 144(б), подпункт (б) особо уточняет, что «относительно настоящей статьи не имеет значения, привело ли данное распространение к расистским действиям или нет» – иными словами, согласно букве закона, лица, обвиняемые в расистской пропаганде, могут быть осуждены и в том случае, если их действия не привели к действительному ущербу. При этом израильский законодатель четко оградил представителей СМИ от обвинений в содействии расизму и ксенофобии самим фактом информирования населения о подобных деяниях. Согласно пункту (а) статьи 144(в), «распространение верного и честного отчета о деянии, предусмотренном статьей 144(б), совершенное без цели призвать к расизму, не рассматривается как преступление». Законодатель также оградил религиозную литературу, какой бы конфессии она не принадлежала, от обвинений в расизме, чтобы книги, почитаемые как священные, и написанные столетия (а то и тысячелетия назад) не проходили проверку согласно критериям межнациональной и межконфессиональной толерантности, принятым в настоящее время (есть серьезные основания предполагать, что такую проверку не пройдут священные книги ни одной из трех монотеистических религий). Согласно пункту (б) статьи 144(в), «распространение цитат из религиозных источников и молитвенных книг, а равно соблюдение религиозных обрядов, совершенные без цели призвать к расизму, не рассматриваются как преступление». Однако законодатель запретил владение литературой, а также аудиовизуальными материалами, когда это владение имеет своей целью пропаганду расистских действий. Согласно статье 144(г), «тот, кто владеет для распространения материалом, запрещенным статьей 144(б), с целью привести к расистским действиям, наказывается тюремным заключением сроком на один год, а данный материал подлежит конфискации».

Статья 144(е) посвящена преступлениям по мотиву расизма либо вражды в отношении группы лиц. В настоящей статье под «преступлением» понимаются:

«преступление против тела, свободы либо имущества; преступление, связанное с насилием либо вымогательством; преступления, связанные с хулиганством и нарушением общественного порядка...; преступление по службе в общественной организации и в ее отношении...» (статья 144(е), п. 2). Закон об уголовном праве Израиля устанавливает, что «тот, кто совершает преступление по мотиву расизма... или вражды в отношении общества из-за вероисповедания, принадлежности к религиозной группе, этнического происхождения, сексуальных наклонностей либо принадлежности к иностранным рабочим, подлежит либо удвоенному наказанию, предусмотренному за преступление, либо тюремному заключению сроком на десять лет, при этом назначается более снисходительное из двух наказаний» (статья 144(е), п. 1). Крайне важными являются здесь нормы, приравнивающие акты насилия против наиболее уязвимых групп (в частности, сексуальных меньшинств и иностранных рабочих) к актам насилия против этнических и религиозных групп, относящихся к титульной нации и конфессиональному большинству.

Многочисленные вердикты Верховного суда Израиля исходят из предпосылки, что *задача построения толерантного общества, в котором нет места проявлениям неонацизма и ксенофобии, слишком важна, чтобы ее можно было доверить исключительно силовым структурам; напротив, решить эту задачу должно само гражданское общество*. Так и только так можно надеяться на то, что борьба с ксенофобией, расовой дискриминацией и неонацизмом будет по настоящему успешной. Следует отметить при этом, что на сегодняшний день Верховный суд является «либеральным авангардом» израильского общества, ушедшим намного дальше не только широких слоев социума, но и других органов государственной власти.

IV

Однако руководство Израиля не ограничилось противодействием ксенофобии и расовой дискриминации, выразив готовность пойти гораздо, гораздо дальше в своей борьбе за отстаивание удобного видения истории, чем это сделали другие государства. 24 мая 2009 г. Межминистерская комиссия по вопросам законодательства при правительстве Израиля (в нее входят 19 из 30 членов правительства)³⁹ поддержала законопроект депутата Алекса Миллера, который налагает полный запрет отмечать День скорби в связи с национальной катастрофой, постигшей палестинский народ в 1948 г. (Накба), причем нарушителям угрожает трехлетний срок тюремного заключения⁴⁰. Можно отметить преамбулу к законопроекту, в которой прояснено, что его цель – «наложить серьезные наказания на тех, кто недобросовестно использует демократический просвещенный характер Государства Израиль

чтобы разрушить его изнутри». Представляется, что мало что так далеко от демократических просвещенных норм, как данный законопроект, и это, кстати, и отметил в израильской газете «Ха'арец» 1 июня 2009 г. профессор права Зеэв Сегаль⁴¹. *У каждого этноса – свои защитные механизмы, призванные уберечь его картину мира*⁴², однако, в данном случае эта защита осуществляется путем грубого попрания коллективной национальной памяти другого народа.

Сам термин «Накба» (катастрофа) возник в арабском политическом сознании задолго до создания Государства Израиль; по одной из версий, его первое упоминание в релевантном контексте относится к 1920 г., когда в результате раздела территории Ближнего Востока между Англией и Францией Палестина оказалась отрезанной от Сирии, частью которой она была в период османского правления⁴³. Вместе с тем, последние шесть десятилетий это слово имеет одно, никем в палестинском социуме не оспариваемое, значение: Накбой арабы называют события 1948 г., когда в ходе военных действий по разным причинам около трех четвертей палестинцев покинули свои дома, оказавшись на положении беженцев в различных странах, вследствие чего палестинцы как единый социум перестали существовать, а на 77 % территории страны было создано Государство Израиль. Скрупулезный исторический анализ показывает, что не более четверти палестинцев стали беженцами из-за того, что были изгнаны израильской армией, причем это происходило только на двух заключительных этапах войны, после 12–13 июля 1948 г., когда были депортированы арабские жители Лода и Рамле, другие же покинули свои дома по другим причинам, в т. ч. и под влиянием провокационной пропаганды иерусалимского муфтия Хадж Амина аль-Хусейни, исходившей из циничного признака «чем хуже – тем лучше»⁴⁴. Подчеркивая вновь, что израильские силы непосредственно виновны в изгнании относительно небольшой доли тех, кто стал беженцем, отметим и обратную сторону медали: очевидно, что не избери сионистское движение Палестину/Эрец-Исраэль местом реализации своих политических чаяний, никакой войны бы в стране не было, она бы стала еще одним арабским государством, либо же была бы включена в состав Иордании, и проблемы арабских беженцев не могло бы возникнуть в принципе.

Прежде всего, *крайне проблематично само законодательное запрещение выражения скорби: подобные чувства являются глубоко личными, и едва ли государство имеет право вмешиваться в столь деликатную для каждого человека сферу*. Если законы, направленные на запрет ревизионизма еврейского Холокоста, армянского геноцида или преступлений коммунистического режима (такие законы были приняты в Польше и некоторых других странах Восточной Европы и Балтии) имеют своей целью, пусть и брутальными методами, но *сохранение* коллективной

и индивидуальной памяти о краеугольных событиях истории тех или иных народов, да и человечества в целом, то закон, проект которого был утвержден израильской межминистерской комиссией имеет своей целью как раз *подавление* сохраняемой исторической памяти, стирание ее⁴⁵.

Более того: разница между этой инициативой и едва ли не единственной подобной нормой, действующей в Турции, где запрещено отмечать День скорби в связи с геноцидом армян, огромна. Во-первых, между самим геноцидом и законодательным запретом публично отмечать его в Турции прошло девяносто лет, т. е. в живых нет уже никого, кто пережил его, кто помнит весь ужас и трагедию происшедшего. В Израиле и Палестине временной интервал короче, речь идет о событиях шестидесятилетней давности, и еще живы несколько сот тысяч человек, для которых события 1948 г. – часть их личной истории, и им в одночасье запрещается публично выражать то, что они думают и чувствуют на протяжении десятилетий. Во-вторых, наиболее страдающее от такого запрета население – армянское в Турции и арабское в Государстве Израиль – несопоставимы по размерам. В Турции армяне составляют менее одной десятой процента населения (согласно различным оценкам, от 40 до 70 тыс. чел. в более чем 70-миллионном населении), в Израиле же доля арабов в двести с лишним раз выше, более одной пятой – 1498 тыс. из 7411 тыс. жителей (данные Центрального статистического бюро Израиля от 27 апреля 2009 г.), и это не считая жителей Западного берега и Газы. Для большинства арабских жителей Палестины 1948 г. и их потомков, часть из которых (но часть меньшая) имеет израильское гражданство, события Накбы означали личную и семейную трагедию, которую они отмечают, что крайне важно, без актов какого-либо насилия. Законодательный запрет отмечать их трагедию является непропорционально жестоким ударом по их национальным чувствам, по их личной и коллективной памяти. Подобная норма неприемлема для государства, считающего себя «просвещенным и демократическим».

Если законопроект Алекса Миллера, представленный, кстати, и Кнессету прошлого созыва⁴⁶, будет принят, в Израиле будут запрещены всяческие мероприятия и церемонии, посвященные дню Накбы. Представляется крайне проблематичным, что против этого законопроекта выступили почти исключительно арабские депутаты. На иврите первая статья о Накбе вообще появилась, кажется, лишь спустя полвека после 1948 г.⁴⁷ «Это уже не первая попытка переписать историю, однако, как и все предыдущие, она завершится ничем», – заявил депутат Кнессета Мухаммед Бараке и добавил, что «наши демонстрации направлены не против существования Государства Израиль, а против того факта, что вторая половина решения о разделе Палестины на два государства, до сих пор не выполнена»⁴⁸. Лидер партии БАЛАД

Джамаль Захалка заявил, в свою очередь, что израильские арабы будут в любом случае отмечать Накбу, поскольку их «невозможно лишить этого горя и сожаления». «Это наше право – помнить и не прощать», – подчеркнул Д. Захалка. «Мы и не ожидали ничего другого от партии “Наш дом – фашизм” [так Т. ас-Сана охарактеризовал партию «Наш дом – Израиль»], – заявил депутат Талеб ас-Сана. – Коллективное самосознание невозможно уничтожить. Накба – это исторический факт». При этом и Т. ас-Сана, и депутат А. Тиби справедливо отметили то, что, к сожалению, не было озвучено еврейскими политиками: *признание Накбы важно для Израиля и его еврейского населения в не меньшей степени, чем для арабских сограждан*. «Если бы у Миллера была хоть капля логики, он бы подал законопроект о том, чтобы Израиль признал свою ответственность за Накбу, что привело бы к сближению арабов и евреев», – сказал Т. ас-Сана. «Это две стороны одной монеты, и каждый народ волен придерживаться своей версии, и очень жаль, что именно еврей пытается уничтожить коллективное сознание и память другого народа», – высказался по этому поводу депутат Кнессета Ахмад Тиби⁴⁹.

Как верно отметил академик В.А. Тишков в монографии «Общество в вооруженном конфликте», «конфликт в форме войны, когда задействовано безумие партикулярного национализма и машины пропаганды СМИ, не оставляет места для истины в смысле единой и общеразделяемой версии происходящего». Справедливы слова о том, что «если бы общеразделяемая версия прошлых и современных событий существовала вообще, то не было бы конфликта, ибо войны начинаются в головах и часто – с исторических аргументов и с разного понимания современных ситуаций»⁵⁰. Эти слова в полной мере применимы к событиям 1948 г., которые евреи-израильяне отмечают как провозглашение государственной независимости и победу в войне, а палестинские арабы оплакивают как свою национальную катастрофу, в результате которой они на долгие годы перестали существовать как единая политическая общность. Однако *для обоих народов события 1948 г. являются краеугольными в структуре их политического сознания, причем большинство ни с той, ни с другой стороны не готово и помыслить о том, чтобы увидеть не только свою, но и «чужую» правду*.

Подобное неприятие друг друга находило свое выражение и в школьных учебниках. Широко известно, что в палестинской системе образования и воспитания всячески прославляются подвиги террористов-самоубийц, «святых мучеников, отдавших жизнь за свою Родину и свой народ»; много говорилось и о том, что на картах, издаваемых и публикуемых Палестинской администрацией, не фигурирует само слово «Израиль»⁵¹. Ситуация с израильской стороны лучше, но не сказать, чтобы принципиально: на израильских картах никогда не отмечается «зеленая чер-

та», отделяющая суверенную территорию Израиля от территорий, занятых в 1967 г., а школьные учебники полны предвзятыми, стереотипными описаниями. Как показал в своем исследовании иерусалимский востоковед Эли Поде, арабов характеризовали в израильских школьных учебниках, используя слова «дикарь», «хитрый», «обманщик», «вор», «провокаторы», «террористы». Придерживаясь традиции преподносить еврейскую историю как череду непрекращающихся проявлений антисемитизма и гонений, арабские выступления против попыток евреев получить контроль над Палестиной авторы учебников описывали словами «бунты» и «погромы», в то время как еврейские вооруженные отряды позиционировались исключительно как героические защитники⁵². Нападение Израиля, при поддержке Англии и Франции, на Египет осенью 1956 г. получило название операции «Кадеш» – от корня «*кодеш*», «святость»! Усиление враждебности и насилия между евреями и арабами вызвало тенденцию к дегуманизации образа врага-араба, что, в свою очередь, превращало применение силы против арабов в легитимный акт⁵³. *Каждая из сторон использовала и использует историю для легитимации применяемого ею насилия, для дальнейшей эскалации конфликта. Прошлое мертвой хваткой держит оба вовлеченных в конфликт народа, каждый из которых клянется в своей верности наследию.*

В Израиле не без оснований расстраивались каждый раз, когда Я. Арафат клялся, что легионы святых мучеников «освободят Эль-Кудс». Однако сильно ли отличаются эти клятвы от 137-го псалма царя Давида, который наизусть учат в Израиле все еврейские школьники?

*«Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет десница моя.
Пусть прилипнет язык мой к гортани,
если не буду помнить тебя,
если не вознесу Иерусалим на вершину веселья моего».*

V

Что случилось? Как оказалось, что *ориентация на строительство лучшего будущего, бывшая неотъемлемой частью практически всех направлений сионистской мысли, уступила место задаче сохранения исторической памяти?* Почему взгляд, когда-то обращенный вперед, оказался повернутым так, что теперь в центре внимания находится именно прошлое?

Может быть, и с этой точки зрения началом конца стала блистательная военная победа израильской армии в Шестидневной войне в июне 1967 г. Высшим пиком израильского национального триумфа стало завоевание Старого города Иерусалима

7 июня 1967 г. Эмоциональный рапорт командира 55-й бригады десантников Моты Гура «Храмовая гора в наших руках» (семь лет спустя М. Гур возглавил Генштаб армии) стал одним из самых волнующих моментов в истории страны, после чего, с точки зрения символической экспансии, стремиться было уже больше не к чему.

На протяжении многих веков в ходе пасхального вечера и в Судный день евреи повторяли: «В будущем году – в Иерусалиме», не очень-то и веря в ритуально произносимые ими слова. На протяжении двух тысячелетий народ жил с ощущением мечты, воплощение которой в принципе было невозможно, но которая при этом оставалась центральным компонентом национального этоса вне зависимости от того, какие перемены происходили вокруг. Даже тогда, когда Государство Израиль было создано, некоторые важнейшие святыни иудаизма – Западная стена иерусалимского Храма, могила праотцев Авраама, Ицхака и Якова и праматерей Сары, Ривки и Леи в Хевроне, могила праматери Рахели в Вифлееме, могила праотца Иосифа в Шхеме – остались за его пределами. Иерусалим был еще в декабре 1949 г. объявлен столицей Государства Израиль⁵⁴, однако, это был «не совсем тот» Иерусалим; не о нем молились два тысячелетия. Гора Сион и Храмовая гора, оказавшиеся на территории Иордании, по-прежнему оставались недостижимой мечтой, подобно тому как для армян остается недостижимой мечтой расположенная на территории нынешней Турции гора Арарат. 7 июня 1967 г. то, о чем столько мечталось, неожиданно было достигнуто. Еще за месяц до этого никто не предполагал, что в регионе вспыхнет масштабная война, и тем более никому и в голову не могло прийти, что израильская армия с удивительной легкостью буквально за два дня займет всю территории Иудеи и Самарии, включая Восточный Иерусалим и его «жемчужину» – Старый город.

Это событие в одночасье изменило не только тенденции ближневосточной политики⁵⁵, но и всю временную перспективу самовосприятия еврейской израильской нации, которая лишилась объекта мечты. То, о чем раньше можно было только грезить и на что надеяться, превратилось в то, что надо бережно хранить и не растерять. *От состояния общества, устремленного в будущее, общества, ждущего воссоединения со своим прошлым, еврейская израильская нация за двое суток перешла к состоянию, когда ждать уже нечего, ибо всё, о чем только можно помыслить, достигнуто.* К Стене плача первыми из всех израильтян вышли десантники, подтвердив, что армия не только обеспечивает безопасность государства, но и играет центральную роль в поддержании духа нации. Чтобы подтвердить этот принцип, с тех пор солдаты и офицеры ЦАХАЛа именно там, у Западной стены Иерусалимского Храма, принимают присягу.

Проблема, однако, состояла в том, что за два предшествовавших этому событию столетия большинство евреев прошло путь секуляризации; скорее светскими, чем религиозными были и большинство израильтян; и Западная стена Иерусалимского Храма уже не могла быть интеллектуальным и эмоциональным центром их картины мира⁵⁶. С другой стороны, именно это место было воплощением самого смысла сионизма, именно ради этого места отказывались от эмиграции в Аргентину и Уганду, в Биробиджан или в Крым... Однако израильское общество в 1967 г. мало напоминало членов фракции «сионисты Сиона», в 1903 г. остро оппозировавших тем или иным переселенческим проектам метавшегося Т. Герцля. Это было современное развитое преимущественно секулярное общество, для которого Стена плача (не говоря уже о могилах праотцев и праматерей в населенных почти исключительно палестинскими арабами Хевроне, Вифлееме и Шхеме) оказалась сокровищем, к которому оно не знало, как подступиться, чувствуя себя подобным среднему клерку, сорвавшему главный приз в роскошном казино. Все последующие четыре с лишним десятилетия Израиль пытался превратить Иерусалим в объединенный еврейский город, который был специальным конституционным законом провозглашен «вечной, единой и неделимой» столицей страны, однако, на практике конфликты между евреями и арабами, с одной стороны, и между приверженцами ортодоксального иудаизма и светскими гражданами, с другой, привели к фактическому расколу города на обособленные районы, не имеющие даже единой транспортной инфраструктуры⁵⁷. Воссоздание какой бы то ни было еврейской общинной жизни в Хевроне, Вифлееме и Шхеме оказалось сопряженным с огромными трудностями, и из всех секторов израильского общества, лишь одержимые мессианскими устремлениями религиозные фанатики готовы были связать с ними свои личные судьбы. *Овладение этими святынями стало символическим Рубиконом, ознаменовавшим трансформацию Израиля из общества, одержимого идеями социальной справедливости, в страну, краеугольной идеей которой является сохранение контроля над святынями иудаизма.* Прошлое победило будущее: Западная стена Иерусалимского Храма, будучи местом, об утрате контроля над которым страшно было подумать, стала символом нового Израиля, в котором метафорический солдат-киббуцник с плугом «поколения 1948 года» уступил место воину в вязаной кипе, защищающему уже не столько население страны, сколько те или иные исторические объекты религиозного наследия. Так как именно армия является маркером принадлежности к еврейской израильской нации (об этом говорилось выше), принимая присягу, солдаты и офицеры наполняют чувство национальной принадлежности тем содержанием, которое диктует им сакральное пространство Стены плача. Принимая присягу, молодые люди берут обязательство не

столько перед гражданским обществом, которому по идее должны служить вооруженные силы, сколько перед молча внимающей их клятвам Стеной.

VI

Больше, чем о чем-либо другом, Западная стена (вся длина которой – всего 485 м) напоминает о трагедии разрушения самого сакрального объекта еврейского мира. Она была возведена в период правления Ирода I менее чем за столетие до разрушения Второго Храма в 70 г. н.э., однако ее символическая жизнь оказалась в двадцать раз продолжительнее, чем период, в ходе которого она имела практическую значимость с инженерной точки зрения (предназначение Западной стены состояло в том, чтобы поддерживать земляную насыпь, сделанную для увеличения площади Храмовой горы во время перестройки и расширения здания Храма). В мире есть не так много религиозных общин и тем более политических наций, центральный сакральный объект которых напоминает не об их триумфе, а о разрушении и катастрофе, однако, в случае с евреями-израильянами таких объектов целых два. И если наиболее сакральный объект иудейской религии – Стена плача – напоминает о разрушении, имевшем место почти два тысячелетия назад, то мемориальный центр памяти жертв Холокоста «Яд ва'Шем», также находящийся в Иерусалиме – о Катастрофе, от которой нас отделяет менее шести с половиной десятилетий.

В Израиле, как и в любой стране, немало музеев, но «Яд ва'Шем», созданный согласно специально принятому парламентом страны в 1953 г. закону, занимает совершенно особое положение. Достаточно сказать, что в 2000–2006 гг. во главе Общественного совета центра «Яд ва'Шем» стоял бывший председатель парламента Шевах Вайс, его сменил бывший вице-премьер и министр юстиции Йосеф (Томи) Лапид, а после смерти последнего в ноябре 2008 г. на этот пост решением правительства был назначен бывший главный раввин Израиля Исраэль Меир Лау – ни один израильский музей не имеет руководства со столь высоким государственным статусом. «Яд ва'Шем» призван не только (и даже не столько) изучать и демонстрировать посетителям весь комплекс исторических событий, в контексте которых стал возможным Холокост, сколько формировать внутри- и внешнеполитическую повестку того дискурса, в центре которого находится Государство Израиль. *Это государство, предназначение которого его отцы-основатели видели в реализации той или иной социальной или духовной программы, о чем говорилось выше, возникло тогда, когда основной задачей стало «не допустить нового Холокоста».*

В принципе, эта весьма гуманистическая задача могла бы рассматриваться в универсальном общечеловеческом контексте, т. к. очевидно, что *единственное,*

что на самом деле может гарантировать, что геноцид (евреев ли, цыган ли, гомосексуалов ли, коммунистов ли или кого угодно еще, кого убивали нацисты или кто бы там ни был на протяжении истории) не повторится – это развитие гражданской политической этики, не приемлющей самой возможности массового уничтожения как пути разрешения каких-либо проблем и выхода из каких-либо кризисов. Проще говоря, когда в мире не будут убивать никакие группы населения по признаку национальной, социальной или религиозной принадлежности, можно быть уверенными и в коллективной безопасности евреев. Такой образ мышления предопределял бы превращение мемориального музея и образовательного института «Яд ва'Шем» в международный центр по изучению геноцидов, в котором еврейский Холокост был бы, вероятно, наиболее масштабным, но никак не единственным из изучаемых исторических феноменов. Тогда Израиль мог бы постараться стать «правозащитным маяком» общечеловеческого значения, и кто знает, не в Иерусалиме ли заседал бы сейчас тот трибунал, который находится в Гааге.

Случилось, однако, прямо обратное. Холокост был всеми правдами и неправдами вычленен из всего трагического опыта истории, полной геноцидов и ужасных преследований самых разных групп людей, и вместо общечеловеческого правозащитного смысла «Яд ва'Шем» был наполнен сугубо национальным, чтобы не сказать националистическим содержанием. Сквозная идея экспозиции музея «Яд ва'Шем» состоит в том, что в те кошмарные годы, когда евреев миллионами «ставили к стенке», сжигали в печах и травили ядовитыми газами, никакое государство не пришло им на помощь, а значит, только на свою страну и на ее вооруженные силы евреи могут рассчитывать в борьбе за безопасность и выживание. Вместо пацифистской по своей природе идеи о том, как важно, чтобы нигде и никто не ставил к стенке никогда и никого, «Яд ва'Шем» культивирует идеологию гражданского милитаризма, согласно которой основной гарантией еврейского коллективного будущего являются израильские вооруженные силы. Таким образом, созданные за тысячи километров от Освенцима и Трешлипки отряды еврейской самообороны, которые ничего практически не сделали – и не могли сделать – для того, чтобы спасти из лагерей смерти хоть кого-то из тех, кто окончил там свои земные дни (а именно из этих отрядов выросла израильская армия), были объявлены «гарантами предотвращения нового Холокоста».

Само ожидание возможного «нового Холокоста» стало столь естественным для израильского общества, что мало кто задавался вопросом, а какие именно силы в принципе стремятся к уничтожению еврейского государства и всех его жителей, и есть ли такие силы вообще. Использование крайне обобщающего термина «арабо-израильский конфликт» в ситуации, когда последнее нападение на Израиль какой-

либо из арабских стран имело место тридцать шесть лет назад, а с двумя из четырех стран, с которыми он граничит, Израиль давно уже подписал мирные договоры (с Египтом – в 1979 г., с Иорданией – в 1994 г.), не говоря уже о том, что Лига арабских государств, по инициативе короля Саудовской Аравии, сформулировала на саммите в Бейруте в 2002 г. свои предложения об установлении на определенных условиях системы отношений всех арабских стран с Государством Израиль⁵⁸, отчетливо демонстрирует насколько коллективное самосознание жителей страны (да и мира в целом) отстает от изменяющихся региональных реалий. Говоря прямо, начиная со второй половины июля 1948 г., когда закончился период «десятидневных боев» и наступило второе перемирие в ходе израильской Войны за независимость, реальной угрозы самому факту существования еврейского государства не было и нет, во всех последующих войнах Израиль демонстрировал очевидное военное превосходство, а число жертв со стороны противника в разы превышало число жертв среди израильских военных и гражданского населения (так, в ходе последней войны в Газе в декабре 2008 – январе 2009 г. численность погибших арабов более чем в сто раз превышала численность погибших израильтян).

Институциональная логика центра «Яд ва'Шем», символически превратившая израильскую армию в гарант предотвращения нового Холокоста, дала легитимацию для использования Израилем какой угодно силы против кого бы то ни было, причем все возражения извне отменяются как заведомо нерелевантные, исходя из тезиса, что молчание всего мира во время Холокоста лишило кого бы то ни было права «читать мораль» еврейскому государству, как именно ему нужно действовать, чтобы предотвратить новую катастрофу. Дело не только в том, что «Яд ва'Шем», созданный за тысячи километров от мест массового уничтожения евреев в первой половине 1940-х гг., позволяет Израилю, в котором в разные периоды его существования жило от 10 % до 40 % еврейского населения планеты, приватизировать всю коллективную историю и память еврейского народа (именно поэтому в Израиле весьма прохладно отнеслись к созданию «конкурирующего» мемориального центра Холокоста в Вашингтоне, разрушающего эту монополию на репрезентацию памяти). Еще более важно то, что «Яд ва'Шем», будучи включенным в программу первого визита в Израиль всех глав государств, правительств и министров иностранных дел, стал оружием в пропагандистской войне еврейского государства. Это место, созданное в память о том времени, когда евреев убивали только за факт их национальной принадлежности, развело по разные стороны баррикад Израиль и страны Запада, которые в целом воспринимают драматические события гитлеризма не через призму одной лишь еврейской трагедии, и которые не готовы согласиться с тем, что ужасы Освенцима шесть с половиной десятилетий спустя оп-

равдывают блокаду Газы и убийство более чем тысячи трехсот арабских жителей сектора за восемнадцать дней, какие бы ракеты «касам» не падали в Ашкелоне или Сдероте. Вместо того, чтобы стать маяком гуманистической правозащитной мысли, «Яд ва'Шем» возводит символическую, но при этом весьма осязаемую стену между государством, отстаивающим свое право на диспропорциональное применение силы и почти произвольное начало масштабных военных операций, в т. ч. и исходя из сугубо внутривнутриполитических соображений (как это было в дни операции «Гроздья гнева» перед выборами 1996 г. и операции «Литой свинец» перед выборами 2009), и странами, которые на нынешнем этапе истории считают подобную политику нелегитимной. Мемориальный центр, созданный для увековечения памяти о тех, кого ставили к стенке, создал новую стену между ценностями космополитического гуманизма, с одной стороны, и националистического гражданского милитаризма, с другой.

*Израиль сделал сохранение памяти о еврейском Холокосте краеугольной основой своей внешней политики, с одной стороны, и основой гражданской социализации собственных граждан, с другой*⁵⁹. Опыт Холокоста занимал чрезвычайно значимую роль в выработке военной доктрины Израиля в первые годы его существования⁶⁰. Сегодня именно трагедией Холокоста Израиль оправдывает (по крайней мере, на риторическом уровне) свое право на пренебрежение к многим нормам международного права, которые для других государств принято считать обязательными. Израильское «право» на масштабные силовые операции против палестинцев, да и не только палестинцев, равно как и «право» иметь атомное оружие, не подписав Договор о его нераспространении и не пуская инспекторов МАГАТЭ, как и «право» игнорировать заключение международного суда о строительстве т. н. «разделительного забора безопасности» – все это базируется на том, как Израиль (выразимся деликатно) напоминает миру о Холокосте. Когда же кто-либо напоминает Израилю о необходимости соблюдать принятые «правила игры», из Иерусалима звучат выступления о том, что представители стран, ничего не сделавшие во имя спасения евреев от гитлеровского геноцида, не имеют никакого морального, да и не только морального права поучать Израиль, как ему строить свою оборонную доктрину. Израиль начал войну 1967 г., чтобы «не допустить нового Холокоста», его руководитель премьер-министр Бегин видел в находившемся в бейрутском бункере в 1982 г. Арафате Адольфа Гитлера (против чего бурно протестовал один Амос Оз), израильтянам мерещился Гитлер в Саддаме Хусейне в 1991-м, да и сейчас весь дискурс, легитимизирующий право бомбить Иран, ведется с непрерывным использованием Холокостной риторики. В Израиле принят целый свод специальных законов о Яд Ва'Шеме и культивировании памяти о Холокосте;

страна отмечает День памяти Катастрофы и героизма с сиреной ровно за неделю до Дня памяти павших бойцов ЦАХАЛа, (что это?) плавно переходящего в День независимости, и всё это подчеркивает значимость памяти о Холокосте уже не для «внешнего», но и для «внутреннего» пользования, для создания из разных по духу, характеру, культуре и истории евреев диаспоры единой израильской нации⁶¹.

Факт, однако, состоит в том, что, не было бы Холокоста, еврейское государство едва ли возникло бы и существовало там, где оно существует в настоящее время (и не факт, что возникло бы где-то еще, но это неочевидно). К 1939 г., до тех пор пока англичане и немцы совместными усилиями закрыли для евреев возможность иммиграции в Палестину, за полвека сионистских волн «алии» (от первой до пятой), в страну прибыло около полумиллиона человек, из примерно восемнадцати миллионов тогдашнего еврейского населения мира (т. е., около 3 %), и это включая двести с лишним тысяч беженцев от Гитлера в 1933–1939 гг. (пятая алия), т. е. пред-Холокостные иммигранты. Эти люди (все евреи в стране) составляли 31 % населения подмандатной Палестины. Нет никаких серьезных оснований думать, анализируя ситуацию по состоянию на 1933 (до прихода Гитлера к власти) или на 1939, или на 1942 г. (до Ванзейской конференции по «окончательному решению» еврейского вопроса), что в Палестине/Эрец-Исраэль возникло бы еврейское государство. Такие надежды были оправданными в период после декларации Бальфура (1917) и до первой «Белой книги» (1922), дальше все пошло в обратном направлении. После «Белой книги» М. Мальдональда от 17 мая 1939 г. надежды на создание в Палестине/Эрец-Исраэль еврейского государства стали совсем призрачными.

После Холокоста ситуация изменилась, и великие державы, в т. ч. и Советский Союз, почувствовали необходимость сделать что-то для еврейского народа, которому Вторая мировая война принесла беспрецедентные страдания. Выступая 14 мая 1947 г. на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о Палестине, постоянный представитель СССР А.А. Громыко, в частности, сказал: «Еврейский народ перенес в последней войне исключительные бедствия и страдания. Эти бедствия и страдания без преувеличения не поддаются описанию. Их трудно выразить рядами сухих цифр о жертвах, понесенных еврейским народом от фашистских оккупантов. На территории, где господствовали гитлеровцы, евреи подверглись почти полному физическому истреблению. Общее число погибших от рук фашистских палачей определяется приблизительно в шесть миллионов человек. Только около полутора миллионов евреев в Европе пережили войну». А.А. Громыко говорил о бедствиях и страданиях, которые испытывают спасшиеся евреи в Европе: «...Позволительно спросить: могут ли Объединенные Нации, учитывая тя-

желое положение сотен тысяч уцелевшего еврейского населения, не проявлять интереса к положению этих людей, оторванных от родины и своих очагов? ООН не может и не должна равнодушно наблюдать такое положение, ибо это было бы несовместимо с высокими принципами, провозглашенными в ее Уставе... Пора не на словах, а на деле оказать этим людям помощь... То обстоятельство, что ни одно западноевропейское государство оказалось не в состоянии обеспечить защиту элементарных прав еврейского народа и оградить его от насилия со стороны фашистских палачей, объясняет стремление евреев к созданию своего государства. Было бы несправедливо не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление такого стремления. Отрицание такого права за еврейским народом нельзя отрицать, особенно если учитывать то, что он пережил за Вторую мировую войну»⁶². При этом еврейское государство было создано не на территории Германии, виновной в Холокосте, а на территории Палестины, и, приятно это кому-либо признавать или нет, но правда состоит в том, что местные арабы де-факто ~~да~~ платят по нацистским счетам. Палестинские арабы отлично понимают это, а отрицая очевидное, израильтяне едва ли могут рассчитывать на то, чтобы продвинуться в сторону мирного урегулирования с ними.

VII

И все же ничего так не демонстрирует отчужденность современного Израиля от векторов движения открытого мира, все больше и больше отказывающегося от государственных границ и таможенных барьеров, как строительство разделительной стены на Западном берегу Иордана. Трудно сказать, кого и от чего отделяет это самое значительное по своим масштабам инженерное сооружение, когда-либо возведенное Израилем: как евреи, так и арабы, как имеющие, так и не имеющие израильское гражданство живут по обе стороны этой стены, общая планируемая длина которой должна составить примерно 790 км. Пропорции разнятся – к западу от этой стены процент евреев почти в четыре раза превышает процент арабов, к востоку же от нее евреи составляют 5–7 % населения (точной численности арабских жителей Западного берега не знает, видимо, никто, потому и сложно подсчитать, насколько именно их больше, чем евреев, живущих в многочисленных поселениях за «зеленой чертой»), но ни о каком герметичном межнациональном размежевании речи идти не может. Не до конца прояснен и гражданский статус тех, кто оказывается по разные стороны стены: с запада от нее, т. е. как бы «внутри», но при этом за пределами «зеленой черты», оказываются около 35 тыс. арабов, не имеющих израильского гражданства (и это не считая арабских жителей Восточного Иерусалима).

ма), при этом с востока от стены, с ее «внешней» стороны, оказываются от восьмидесяти до ста тысяч (в зависимости от того, где именно пройдет линия забора в тех районах, где он еще не достроен) еврейских поселенцев, имеющих израильское гражданство. Собственно, протяженность самой железобетонной стены восьмиметровой высоты составляет «только» несколько десятков километров, на остальных участках сооружено металлические ограждение с колючей проволокой, траншеей, забором с датчиками движения, песчаной полосой для наблюдения за следами, асфальтированной патрульной дорожкой и дополнительной колючей проволокой на «израильской» стороне.

Стоит упомянуть, что Израиль, начиная с 2002 г., ведет столь масштабное строительство на землях, которые даже с точки зрения его собственного законодательства, не являются и никогда не являлись частью его суверенной территории. Тот факт, что 9 июля 2004 г. Международный суд четырнадцатью голосами против одного вынес заключение о том, что строительство этой стены нарушает правовые нормы, как относящиеся к соблюдению личных свобод арабских жителей Западного берега, так и касающиеся статуса территорий как таковых, был с необычайной легкостью проигнорирован и израильской правовой системой, и общественным мнением, давно уже отгородившимся от «ничего не сделавших ради спасения евреев двуличных гоев» символической стеной мемориала «Яд ва'Шем».

Построив герметичный забор вокруг сектора Газа, а также на границе с Ливаном (ракеты ХАМАСа и «Хезболлы», естественно, с легкостью перелетают и тот, и другой), Израиль в прямом смысле слова загоняет себя в гетто, причем гражданам Израиля решением их собственного руководства запрещен въезд на территорию, подконтрольную Палестинской администрации. Коллективное сознание «осажденной крепости», о котором израильские социологи писали еще в 1960–1970-е гг., нашло в интенсивном строительстве разделительных стен свое пространственное выражение. Говоря о мире, израильтяне не верят в него, вне зависимости от того, голосуют они за правые или за левые партии или же вообще не участвуют в выборах. Начало второй интифады спустя два месяца после беспрецедентно щедрых предложений израильской делегации на саммите в Кемп-Дэвиде в июле 2000 г. нанесло по надеждам на мир фатальный удар, который был усилен четырьмя тысячами ракет «Хезболлы», выпущенными по территории Израиля за пять недель июля–августа 2006 г., и несколькими тысячами ракет ХАМАСа, выпущенными из полностью оставленного армией и еврейскими поселенцами сектора Газа. Израильтяне не склонны задаваться вопросом о том, какой вклад внесли их действия в то, что место изгнанных их армией сил ООП в Южном Ливане заня-

ла «Хезболла», а в Газе воцарился ХАМАС. Коллективное сознание признает как аксиому, что Израиль всегда стремится к миру, а арабы всегда стремятся к тому, чтобы уничтожить Израиль. Это до безумия упрощенная картина мира, которая искажает реальное положение вещей куда больше, чем отражает его, является, однако, той, пожалуй, единственной осью консенсуса, которая сплавивает бесконечно раздробленное израильское общество.

Выражая на словах стремление к возобновлению переговорного процесса с палестинскими арабами, Израиль отгораживается от них восьмиметровыми стенами и заборами с колючей проволокой. Риторика мирного урегулирования остается риторикой, стена же становится все длиннее. Доктрина, согласно которой «на той стороне нет партнера для переговоров», удобна хотя бы тем, что освобождает от необходимости такого партнера искать. Логика разделительной стены оказалась сильнее стремления к все равно неизбежному сосуществованию, т. к. ни одному из живущих на территории Палестины/Эрец-Исраэль народов – ни евреям-израильтянам, ни палестинским арабам – некуда с нее деться.

Отгородившись от палестинских арабов и от общемировых тенденций региональной интеграции осязаемой восьмисоткилометровой стеной, отгородившись от космополитических устремлений Западного мира символической, но не менее осязаемой стеной, сооруженной центром «Яд ва'Шем» вокруг «своей и только своей» Катастрофы, объявив своей главной исторической миссией сохранение израильского контроля над Западной стеной Иерусалимского Храма, Израиль сформировал гражданскую нацию, ключевыми компонентами самоощущения которой являются чувство непонятой и повсеместно отторгаемой вечной жертвы, с одной стороны, и упорное стремление переломить эту предначертанную судьбу, с другой. Западная стена и «Яд ва'Шем», которые подавляющее большинство секулярных израильтян по своей воле (вне рамок армии или школьных воспитательных мероприятий) не посещают практически никогда, сформировали, однако, крайне ограниченное пространство для возможного маневра, которое довольно малоосмысленный в нынешних условиях «разделительный» забор сужает еще больше. Построив стены другим, резонно спросить, не оказалось ли само израильское общество внутри них.

Многие израильтяне, вполне гордясь тем, что – после двух тысячелетий гонений и чудовищного истребления нацистами трети всего еврейского населения планеты – у еврейского народа хватило сил (вос)создать свое государство на своей «исторической родине» и защитить его, не готовы разделить доктрину милитаристского национализма. Еврейский народ, бывший на протяжении многих веков в

истории народом особенным (я бы назвал это не столько даже «народом Книги», сколько «народом сносок»), но, в любом случае, я согласен с Дж. Стайнером: «Наше отечество – текст»⁶³), превратился в «своей» стране в обычную нацию. Израильтяне едва ли стали «духовным маяком» для всего еврейского народа (как надеялся Ахад ха-Ам), большая часть представителей которого и поныне живет за его пределами, и уж ни в коем случае они не могут претендовать на миссию «*ор ле-гоим*» [«светоча для человечества»], как это мыслилось многими из отцов-основателей сионизма, как религиозными, так и секулярными⁶⁴. Ощущения, что «мы всегда правы» и «весь мир против нас», присущие значительному числу израильтян, разделяются ими без достаточных на то фактических оснований; на самом деле, дипломатическая, военная и финансовая поддержка Израилем (Израиля?) извне имеет беспрецедентные по размаху масштабы.

При этом очевидно, что создание Израиля и последовавшие за этим события нанесли огромный урон палестинским арабам. Не оправдывая в высшей степени недалеконевидную позицию их руководителей со времен Комиссии Пиля (1937 г.) и времени ухода англичан (1948 г.) до переговоров в Кемп-Дэвиде и Табе (2000–2001 гг.), отвергавших многочисленные компромиссные предложения⁶⁵, отметим тот факт, что палестинские арабы были самой пострадавшей стороной в сложившейся ситуации, оказавшись либо в изгнании (беженцы), либо в Израиле под властью военных комендатур (этот режим просуществовал восемнадцать лет и был отменен только в декабре 1966 года!).

Какие перспективы просматриваются в настоящее время?

Имеет смысл осознать, что ждать новой массовой иммиграции Израилю неоткуда (да и сейчас более половины прибывающих «репатриантов» имеют очень сомнительное отношение к еврейскому народу). Рождаемость среди арабов снижается, но она снижается и среди евреев (если не принимать во внимание иудейских ультраортодоксов), в результате чего процент арабов среди граждан Израиля неуклонно растет, и дальше будет расти еще быстрее, потому что сейчас еврейская эмиграция из Израиля превышает иммиграцию в него⁶⁶. Поэтому чем больше еврейские националисты будут объяснять арабским согражданам, что они в Государстве Израиль – не более чем бесправные квартиранты, тем больше вероятность того, что имеющие израильское гражданство арабские граждане поднимут национальное восстание, как они подняли его против британских мандатных властей в 1936–1939 гг.⁶⁷ Перспектива подобной национально-гражданской войны должна приниматься в расчет.

Можно сказать, поэтому, что *движение в сторону максимально полной и равноправной интеграции арабов в израильское общество критически важно для евре-*

ев-израильтян. Именно ощущение, что Израиль – и их страна, что им есть, что терять, может, как представляется, в долговременной перспективе спасти Израиль от исчезновения в арабоязычной ближневосточной исламской цивилизации. (При этом есть основания полагать, что, несмотря на недавний визит Папы Римского, христиан Ближнего Востока от подобной судьбы не спасет уже ничего.) Израиль – общая страна евреев, арабов, друзов и бедуинов, и только если и арабоязычные сограждане будут ощущать общность политической судьбы с евреями, есть надежда сохранить эту страну единой и тогда, когда не только у Пакистана, но и у других мусульманских стран будет (а будет это довольно скоро) ядерное оружие.

Чтобы выжить и сохраниться, Израиль должен быть не государством-крепостью, где, как говорил Игаль Ядин, «каждый гражданин – солдат-резервист, находящийся в увольнительной одиннадцать месяцев в году», а свободной, открытой, плюралистичной, мультикультурной и мирной страной, где бы люди разных национальностей, профессий и гендерных идентичностей чувствовали бы себя дома, чтобы эта страна была не военным и бюрократическим, а духовным центром еврейского народа. Пожалуй, с точки зрения сионистской идеологии, в этом случае только и можно будет говорить о ее торжестве.

Если же и тогда евреи станут «как все народы», в худшем смысле этого слова, наглухо запершись в своей иудейской религии и своем национальном государстве, тогда-то они и перестанут быть евреями; т. е. внешняя обертка останется, а смысл и содержание исчезнут. Уникальность еврейской коллективной судьбы отличается чем-то совсем иным: многовековой жизнью на положении меньшинства в диаспорах, как следствие – уникальной адаптивностью, многоязычием (в XX в. десять евреев получили Нобелевские премии по литературе; один из них писал на иврите, один – на идише, остальные – по-английски, по-французски, по-русски, по-немецки и по-венгерски⁶⁸ – у какого еще народа есть что-то подобное?), высоким статусом образования и учености, чувством отверженности/аутсайдерства (поэтому среди еврейских интеллектуалов высок, в частности, и процент геев), чувствительностью к страданиям «другого», космополитизмом (еврей Л. Заменхоф придумал эсперанто, и это не случайно) и т. д. Еврейство уникально именно своим многообразием, и если уж так сложилось исторически, что евреи живут в разных странах, говорят на разных языках, принадлежат к разным культурам и конфессиям, этот внутренний плюрализм важно сохранить.

Как представители народа, на протяжении многих веков подвергавшегося беспричинным преследованиям, евреи могли бы быть особенно чуткими в отношении беспричинных коллективных преследований кого бы то ни было. Именно к этому

общечеловеческому выводу подводит весь опыт *национальной* истории еврейского народа. Законопроект о запрете отмечать Накбу, отказывающий арабским согражданам в элементарном праве помнить о своей национальной беде, как и другие подобные инициативы, выхолащивают самую суть еврейства, толкая Государство Израиль в сторону милитаристского национализма, уже принесшего человечеству неисчислимые беды и страдания. Можно только порадоваться, что секретарь правительства Цви Хаузер, рассмотрев многочисленные критические отзывы против данного законопроекта, предложил 31 мая 2009 г. значительно изменить его. В новой редакции запрет на траурные мероприятия будет касаться лишь государственных учреждений, а не частных лиц. Муниципалитетам будет запрещено финансировать любые публичные акции, касающиеся Накбы. Нарушителей – населенные пункты, где будет отмечаться Накба, будут штрафовать, если они используют для проведения мероприятий выделяемый государством бюджет.

К Накбе евреям-израильтянам нужно относиться с пониманием не только потому, что отсутствие такого понимания значительно ослабляет моральное право требовать от мира хранить память о еврейском Холокосте, но и потому, что *пока это понимание не будет продемонстрировано, невозможно требовать от арабских сограждан понимания трагедии Холокоста, с одной стороны, и невозможно рассчитывать на диалог, который может привести хоть к какому-то прогрессу в палестино-израильском урегулировании, с другой.* Евреям-израильтянам на самом деле критически важно достижение обеих этих целей.

Ни один народ и ни одно государство не может ни от кого ничего требовать, пока они сами остаются безучастными к трагедиям других народов, в особенности тех, которые живут бок о бок с ними. И поэтому особенно важно, чтобы каждый палестинский арабский школьник узнавал правду об Освенциме и Дахау, о их еврейских и нееврейских жертвах, а каждый еврейский израильский ученик – о Накбе и трагедии палестинского исхода, а также всем комплексе вызвавших его причин. Если бы израильтяне и палестинцы смогли попробовать подготовить и издать хотя бы общий учебник истории, это бы стало значительным шагом в сторону мирного урегулирования. Так и только так можно надеяться на то, что «вечный» палестино-израильский конфликт перестанет быть таковым.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Термин «национализация масс» детально проработан в книге выдающегося историка Джорджа Моссе: *Mosse G.L. The nationalization of the masses: political symbolism and mass movements in Germany from the Napoleonic wars through the Third reich*. N.Y., 1975.
2. Тишков В.А. и Шнирельман В.А. Введение // Национализм в мировой истории. М., 2007. С. 11–12.
3. См. мою статью: Эпштейн А.Д. Национальное движение без общности языка и территории: Об уникальности социал-реформаторской идеологии воссоздания еврейской государственности // Проблемы еврейской истории. Материалы научных конференций Центра «Сэфер» по иудаике 2007 г. Памяти Р.М. Капланова. М., 2008. Ч. 2. С. 233–251.
4. Арон Р. Атомное оружие и планетарная дипломатия // История XX в. Антология. М., 2007. С. 332.
5. Тишков В.А. Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 99.
6. Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. 509.
7. Тишков В.А. Реквием по этносу. С. 124.
8. Лурье С.В. Психологическая антропология. М., 2003. С. 26.
9. Решение Верховного суда Израиля по делу 630/70 *Тамарин против Государства Израиль* // Сб. постановлений Верховного суда Израиля. Т. 26 (1). С. 197 и далее [на ивр.].
10. Решение Верховного суда Израиля по делу 11286/03 *Арнон и др. против министра внутренних дел и др.*
11. См.: Йоаз Ю. Прокуратура: Запись «израильтянин» в удостоверении личности подрывает основы существования государства // Ха'арец. 19 мая 2004 г. [на ивр.].
12. См.: Накануне 61-го Дня независимости Израиля население страны – 7 млн. 411 тыс. чел. // Пресс-релиз Центрального статистического бюро Израиля от 27 апреля 2009 г. [на ивр.].
13. См., напр.: *Perlmutter A. Military and politics in Israel. Nation-building and role expansion*. N.Y., 1969.
14. Первым роль израильской армии как агента межэтнической аккультурации в процессе национального строительства критически проанализировал хайфский социолог Сами Самуха; недавно его этапная работа об этом была переведена на русский язык. См.: Самуха С. Межобщинные отношения и армия в Израиле // Национальная безопасность и демократия в Израиле. Раанана, 2009. Т. 3. С. 119–166.
15. См.: Тилли Ч. Как война создавала государства и наоборот // Принуждение, капитал и европейские государства, 990–1992. М., 2009. С. 110–146; Кревельд М. ван. Монополизация насилия // Расцвет и упадок государства. М., 2006. С. 195–212.
16. Этот термин представлен в книге: Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1998. С. 217.
17. См.: Герцль Т. Еврейское государство. М., 2008. С. 57–58.
18. См.: Лакер В. История сионизма. М., 2000. С. 180–185.
19. См.: Лиссак М. Различные подходы к концепции строительства еврейского ишува // От национального очага – к государству. Еврейская община Палестины // Эрец-Израэль между Первой и Второй мировой войной. Раанана, 2006. Т. 2. С. 329–348.
20. Цит. по: Полян П. Попытка оправдания дьявола // Еврейская газета (Берлин). № 12 (76). декабрь 2008 г.
21. См.: *Auron Y. The banality of denial. Israel and the Armenian genocide*. New Brunswick, 2003; *Аветисян Р.Г. Проблема непризнанного геноцида в отношениях Государства Израиль и Республики Армения* // Наир (Н. Новгород). № 4. 2008. с. 19–24; *Саноян Д.А. «Армянский фактор» в контексте турецко-израильских отношений* // Ближний Восток и современность (в печати).
22. Дискуссия о геноциде армян привела к скандалу между «русскими» депутатами Кнессета // Сообщение информационного агентства newsru.co.il. 1 апреля 2008 г.
23. За непризнание Голодомора геноцидом Ющенко предлагает давать 2 года тюрьмы // Сообщение информационного агентства newsru.ua. 10 декабря 2007 г.
24. Комитет ВР предлагает взять за основу президентский законопроект о Голодоморе // Сообщение информационного агентства newsru.ua. 16 января 2008 г.
25. Президент надеется, что Верховная Рада поддержит законопроект об установлении уголовной ответственности за отрицание Голодомора и Холокоста // Сообщение пресс-службы президента Украины. 23 октября 2007 г.

26. Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 19 мая 2009 г.
27. *Ермакова Ю.* Сергей Шойгу: «Нужно ввести уголовную ответственность за отрицание Холокоста» // Комсомольская правда. Волгоградское региональное издание. 25 февраля 2009 г.
28. *Васильев А., Ахметжанова К. и Беспалова Н.* Защитник Отечественной. Сергей Шойгу предлагает считать отрицание победы СССР преступлением // Коммерсант. 25 февраля 2009 г.
29. См.: *Соколов М.* Законопроект об отрицании // Известия. 26 февраля 2009 г.; *Каймаков Б.* Наша победа и Холокост // Общая газета. 27 февраля 2009 г.; *Привалов А.* О неудачной идее министра Шойгу // Эксперт. № 8 (647). 2 марта 2009 г.
30. *Васильев О.* Сергей Шойгу и другие законодатели истории // Интернет-портал движения Свободные радикалы. 12 марта 2009 г.
31. «У государства есть и моральные обязательства. я поддерживаю инициативу Сергея Шойгу – нужны законодательные меры против очернения Победы», – отметил Б.В. Грызлов. Цит. по: Поздравление Председателя Государственной думы, Председателя Высшего совета партии «Единая Россия» Бориса Грызлова с Днем Победы, 9 мая 2009 г.; см. также: Чайка: За отрицание роли советского народа в победе над нацистской Германией может быть введена уголовная ответственность // Интерфакс. 25 февраля 2009 г.
32. *Мозговая Н.* Израиль нас вдохновляет // Единот ахронот. Пер. на рус. яз. размещен на официальном сайте президента Украины. 9 ноября 2007 г.
33. *Кравченко В.* Зина Калай-Клайтман: Израиль не может признать Голодомор актом этнического геноцида // Зеркало недели (Киев). № 36 (715). 27 сентября 2008 г.
34. Израиль отказывается считать Голодомор геноцидом украинского народа // Интернет-портал Газета. 28 января 2009 г.
35. Интервью посла Государства Израиль в Российской Федерации *Анны Азари* журналу The New Times. 11 сентября 2007 г.
36. *Носик А.* Отрицание Холокоста: Неисполнимый закон // Портал «Мнения» (Израиль). 28 января 2007 г.
37. См.: *Эпитейн Алек Д.* Социально-политические последствия укрепления статуса Верховного суда как главенствующей структуры в политической жизни Израиля // Ближний Восток и современность. 1999. № 8. С. 223–243.
38. Здесь и далее положения Закона об уголовном праве Израиля цит. в переводе с иврита адвоката Марата Дорфмана.
39. Состав Межминистерской комиссии по вопросам законодательства, созданной согласно решению правительства Израиля, обнародован в пресс-релизе секретариата правительства от 5 апреля 2009 г.
40. *Хури Д. и Азулай Ю.* Межминистерская комиссия утвердила законопроект о запрете Дня накбы // Ха'арец. 24 мая 2009 г.
41. *Сегаль З.* Заведомо неконституционный законопроект // Ха'арец. 1 июня 2009 г.
42. Термины разбираются в книге: *Лурье С.В.* Историческая этнология. С. 220–227.
43. См. статью праворадикального израильского автора, в которой эта мысль является краеугольной: *Plaut S.* How «Nakba» proves there's no Palestinian nation // The Jewish press. April 30. 2008.
44. Подробный анализ причин возникновения этой проблемы на разных этапах войны 1947–1949 гг. см. в моей книге: *Эпитейн А.* Израиль и проблема палестинских беженцев: История и политика. М., 2005. с. 72–105.
45. О том, как палестинцы сохраняют память о накбе, см. в сб.: *Nakba: Palestine, 1948, and the claims of memory.* Columbia, 2007.
46. *Бендер А.* День Накбы в Израиле – может быть, в последний раз // Портал Маарив – NRG. 15 мая 2008 г.
47. *Киммерлинг Б.* Накба // 50 лет после 48 года. Иерусалим, 1999. С. 33–37.
48. Арабам запретят скорбеть о создании Государства Израиль // Сообщение информационного агентства cursorginfo.co.il. 15 мая 2009 г.
49. *Инбари И.* Тиби: Законопроект о запрете Накбы – галлюцинация // Портал Маарив – NRG. 15 мая 2008 г.
50. *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2001. С. 485–486.
51. См.: *Meridor N.* Israel still does not appear on maps in Palestinian textbooks. Research report / Intelligence and Terrorism information center. April 16, 2006; *Marcus I. and Crook B.* From nationalist battle to religious conflict: New 12th grade Palestinian schoolbooks present a world without Israel. Research report / Palestinian media watch. February 2007; *Kashit O.* New Palestinian high-school textbooks reject existence of Israel, peace // Haaretz English edition. March 20. 2007.

- ⁵² См.: *Podeh E.* History and memory in the Israeli educational system. The portrayal of the Arab-Israeli conflict in history textbooks (1948–2000) // *History and memory*. V. 12. № 1. 2000. P. 65–100.
- ⁵³ См.: *Shapira A.* Land and power: The Zionist resort to force. Stanford, 1999. P. 362.
- ⁵⁴ См.: *Меламедов Г. и Эпштейн А.Д.* Дипломатическая битва за Иерусалим. М., 2008. С. 195–198.
- ⁵⁵ См.: *Эпштейн А.Д. и Урицкий М.* Шестидневная война и современная политическая динамика на Ближнем Востоке // *Восток*. № 2. 2003. С. 72–84.
- ⁵⁶ См.: *Эпштейн А.Д.* Народ как трансконтинентальная цивилизация: Еврейство, Государство Израиль и современные диаспоры в эпоху секуляризации // 21-й в. № 2 (10). Ереван, 2009. С. 48–64.
- ⁵⁷ См.: *Амирава М.* Иерусалимский синдром. Иерусалим, 2007.
- ⁵⁸ См.: *Podeh E.* From Fahd to Abdallah: The origins of the Saudi peace initiatives and their impact on the Arab system and Israel. Research report. Jerusalem, 2003; *Мелкумян Е.С.* Мирная инициатива Саудовской Аравии в контексте ее внешней политики // *Ближний Восток и современность*. № 15. 2002. С. 148–155.
- ⁵⁹ См. посвященную этой теме фундаментальную монографию: *Сегев Т.* Седьмой миллион. Израильяне и Холокост. Иерусалим, 1991.
- ⁶⁰ См.: *Aronson Sh.* Israel's security and the Holocaust: Lessons learned, but existential fears continue // *Israel Studies*. V. 14. № 1. 2009. P. 65–93.
- ⁶¹ См. на эту тему, напр.: *Liebman Ch. and Don-Yehiya E.* Civil religion in Israel. Berkeley, 1983., P. 100–107, 151–154; *Avner Ben-Amos and Ilana Bet-El.* Holocaust day and memorial day in Israeli schools: Ceremonies, education and history // *Israel studies*. V. 4. № 1. 1999. P. 258–284; *Орон Я.* Скорбь познания. Вопросы преподавания истории Катастрофы и геноцида. Раанана, 2005. С. 107–113.
- ⁶² Выступление А.А. Громько цит. по: Советско-израильские отношения. Сб. документов, 1941–1953. М., 2000. Кн. 1. С. 215–216.
- ⁶³ *Steiner G.* «Our homeland, the text» // *No passion spent. Essays 1978–1996*. London, 1996. P. 304–327.
- ⁶⁴ Этой теме я касался в другой своей статье: *Эпштейн А.Д.* Политический сионизм, идеология «духовного центра» и создание Государства Израиль // *Российский сионизм: История и культура*. М., 2002. С. 52–69.
- ⁶⁵ О переговорах израильян с лидерами палестинских арабов в 1948 г. см. мою статью: *Эпштейн А.Д.* Поиск возможностей сосуществования в период военных действий: Евреи и арабы Палестины / Эрец-Израэль в 1948 г. // *Материалы 12-й Ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике*. М., 2005. Кн. 2. С. 413–427; о переговорах 2000 г. см.: *Эпштейн А.Д.* Опыт прошлого и драмы настоящего. Политическая психология палестино-израильских переговоров об окончательном урегулировании конфликта // *Палестино-Израильский конфликт в зеркале общественного мнения и международной дипломатии*. М., 2004. С. 11–67.
- ⁶⁶ См. данные, представленные в статье: *Эпштейн А.Д., Михаэли С. и Хеймец Н.* Сохраняя еврейское большинство: О перспективах выработки в Израиле национальной доктрины по предотвращению эмиграции и работе с соотечественниками за рубежом // *Израиль глазами «русских»*. М., 2008. С. 84–101.
- ⁶⁷ Об арабском восстании 1936–1939 гг. см.: *Сакер Г.* История Израиля. От возникновения сионизма до создания Государства Израиль. Иерусалим, 1994. Т 2. С. 75–85 и далее. Об изменениях в национально-гражданском самосознании арабских граждан Израиля в последние годы см.: *Jamal A.* The political ethos of Palestinian citizens of Israel // *Israel studies forum*. 2008. V. 23. № 2. P. 3–28.
- ⁶⁸ См.: *Вайс Р.* Евреи и власть. М., 2009. С. 50.

В серии «Исследования по прикладной и неотложной этнологии» опубликовано:

Коган, Микаэлла. Еврейская эмиграция из бывшего СССР в США. 1996. / № 99.

С.Я. Козлов. Евреи Москвы в 90-е годы XX века: действительно ли происходит религиозный ренессанс? 1999. / №125.

С.Я. Козлов. Московские евреи: реалии этнокультурного возрождения (конец XX – начало XXI века). 2007. / № 194.

А.Е. Локишин. История российских евреев в школьных учебниках РФ. 2009. / № 209.

По вопросам приобретения материалов обращаться по адресу:
119334, Москва, Ленинский проспект, д.32 а.
Институт этнологии и антропологии РАН
тел. 938-00-19, 938-58-79
E-mail: INFO@IEA.RAS.RU
fax: (7-495) 938-06-00

Подписано к печати 20.08.2009. Тир. 100 экз. Печ. л. 2,5. Заказ № 48.

УОП Института этнологии и антропологии РАН, Ленинский пр., 32 А.

Д-р Алек Эпштейн – специалист по истории и политологии Израиля и арабо-израильского конфликта, руководитель и участник ряда исследований по социологии образования и изучению процессов миграции и адаптации. Нработает в Открытом университете и в Еврейском университете в Иерусалиме, ведет педагогическую деятельность в Институте стран Азии и Африки Московского госуниверситета. Автор десяти монографий, среди которых *«Войны и дипломатия: арабо-израильский конфликт в XX веке»* (Киев, 2003), *«Израиль и проблема палестинских беженцев: история и политика»* (Москва, 2005), *«Израиль и (не)контролируемые территории: уйти нельзя остаться»* (Москва, 2008), а также более сотни научных работ, опубликованных в одиннадцати странах на шести языках. Его имя включено в британский справочник *«2000 ведущих интеллектуалов XXI века»* (*2000 Outstanding Intellectuals of the 21st Century*, 5-е издание) и в американский энциклопедический словарь *«Кто есть кто в мире»* (*Who is Who in the World*, 26-е издание).

Alek D. Epstein, Ph.D. is affiliated with the Department of Sociology, Political Science and Communication, Open University of Israel and Rothberg International School and Chais Center, Hebrew University of Jerusalem. Since 1999 he has been teaching as an adjunct professor of sociology of Israel at the Department of Jewish Studies, Institute of Asian and African Studies, Moscow State Lomonosov University. He also lectured in the Moscow State University for International Relations (MGIMO); State University of Nizhny Novgorod; Ural State University (Ekaterinburg); State University of Tomsk; Kazan State University, etc. He published more than one hundred manuscripts in various scientific journals and collections, and authored ten books, published in Russian and Hebrew, among them *Wars and Diplomacy. Arab–Israeli Conflict in the 20th Century* (Kiev and Moscow, 2003), *Israel and the Palestinian Refugee Problem: History and Politics* (Moscow, 2005), *Israel and (Non) Administered Territories: Between Annexation and Withdrawal* (Moscow/Jerusalem, 2008) and others. His biography is included in various prestigious directories like *2000 Outstanding Intellectuals of the 21st Century*, 5th edition (Cambridge, 2008) and *Who's Who in the World*, 26th edition (New Jersey, 2009).